

УДК 94(47).084.9/94(470)

А.П. МЕЛЕНТЬЕВА

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНЫХ ПРИУСАДЕБНЫХ ХОЗЯЙСТВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ. СЕРЕДИНА 1960-х – 1990-е гг.

канд. ист. наук

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

e-mail: agros@history.nsc.ru

В статье анализируется изменение состояния личных приусадебных хозяйств сельского населения Сибири в советский (середина 1960-х – 1980-е гг.) и постсоветский (1990-е гг.) периоды: государственная политика по отношению к ним, хозяйственные возможности ЛПХ, взаимодействие с общественным сектором аграрной экономики, вклад в продовольственный фонд региона.

Ключевые слова: личные приусадебные хозяйства, сельское население, Сибирь, сельскохозяйственное производство, колхозно-совхозная система, общественное хозяйство, аграрная реформа.

Присущая сельской семье хозяйственно-производственная функция связана не только с организацией домашнего быта, но и с ведением семейного подворья, обеспечивающего ей устойчивое функционирование, наиболее полное удовлетворение материальных и социальных потребностей. Для жителей деревни ценность семейных хозяйств заключается не только в возможности получения продуктов питания и некотором увеличении доходов, но и в воспитании трудовых навыков у подрастающего поколения и укреплении семейных связей.

На протяжении своего функционирования личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) неоднократно подвергались кардинальным трансформациям, которые обуславливались государственной политикой, демографической ситуацией на селе, возможностями семьи. Семейное подворье в социально-правовом статусе личного подсобного хозяйства окончательно сформировалось в процессе коллективизации сельского хозяйства, когда крестьянам было разрешено в свободное от работы в колхозе время силами своей семьи вести приусадебное хозяйство. Оно состояло из небольшого участка земли, не являвшегося их собственностью, надворных хозяйственных построек и мелкого инвентаря, определенного количества скота и птицы (размер и нормы которых регулировались Уставом сельхозартели). ЛПХ имело для колхозников далеко не подсобное значение: оно давало основную часть потребляемых ими продуктов питания и выступало источником формирования семейного бюджета за счет реализации выращенной сельхозпродукции. Кроме того, значительная часть ресурсов ЛПХ расходовалась на покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед государством: сельскохозяйственный налог, займы, обязательные поставки и т.п. [1, с. 62–70, 136, 140–145, 151]. Минимизация налогообложения личных хозяйств в постсталинский период создала возможности для их быстрого развития [2, с. 72–74]. Однако, несмотря на наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции в личном секторе эконо-

мики, его роль как источника существования жителей деревни снижалась. В 1953 г. за счет личных хозяйств формировалось 43 % совокупных доходов семей колхозников Западной Сибири, а за счет колхоза – 40 %, в 1958 г. – соответственно 33 и 58 % [3, с. 290]. В итоге к концу 1950-х гг. личное хозяйство превращается в подсобное даже для членов колхозов.

К концу 1960-х гг. личное приусадебное хозяйство представляло собой урезанную модель крестьянского семейного дворохозяйства с сохранением основных его характеристик. Хозяйство велось личным трудом владельца и членов его семьи, совмещающих работу в общественном производстве с работой на своем подворье. Земельный участок по-прежнему не принадлежал владельцу ЛПХ, а входил в общее землепользование колхоза или совхоза; его размеры, как и поголовье животных, были лимитированы. В силу ограниченных на селе каналов поступления продуктов и относительно низкой оплаты труда ЛПХ не только обеспечивало сельских жителей необходимыми продуктами питания, но и за счет продажи излишков произведенной продукции вносило вклад в семейный бюджет. Особенность функционирования личных хозяйств заключалась в том, что они практически не могли существовать изолированно от колхозов и совхозов и были интегрированы в них, развиваясь преимущественно за счет их ресурсов: приусадебные земельные участки обрабатывались техникой общественных хозяйств, они же в основном обеспечивали личный скот кормами, выделяли пастбища и сенокосы, по заготовительным ценам продавали молодняк животных и качественные семена, предоставляли транспорт, осуществляли зооветеринарное обслуживание животных, содействовали реализации произведенной продукции.

В конце 1950-х гг. вектор государственной политики в отношении ЛПХ в очередной раз поменял свое направление. Партийное руководство приняло курс на строительство коммунизма, с которым личное хозяйство, по мнению его теоретиков, никак не соотносилось. Местные власти стали изымать у населения

Таблица 1

Основные источники доходов сельского населения Сибири, % *

Годы	Все население		Колхозники	
	Зарплата	Доходы от ЛПХ	Оплата по труду	Доходы от ЛПХ
<i>Западная Сибирь</i>				
1962	–	–	49,1	42,0
1975	81,2	10,4	69,4	21,0
1981	81,7	10,1	72,6	18,0
1985	80,4	11,6	72,0	17,9
1989	79,5	10,6	70,1	19,2
<i>Восточная Сибирь</i>				
1962	–	–	47,1	44,3
1975	81,3	9,2	70,2	19,9
1981	83,6	8,3	72,9	17,1
1985	80,7	8,7	70,2	18,0
1989	79,6	9,1	70,1	16,8

* Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 249–250; Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих, служащих и колхозников: Стат. сб. М., 1989. Ч. II. С. 91, 92, 95.

Кемеровской и Новосибирской областях среднегодовое производство мяса упало соответственно на 6,7 и 1,2 %, яиц – на 8,6 и 33,3 %, картофеля – на 5,6 и 11,2 %¹.

Происходило и снижение роли ЛПХ как источника доходов сельских семей, на что существенно повлияло введение в колхозах с 1966 г. гарантированной денежной оплаты труда [11, с. 40]. Ее постоянный рост снижал роль ЛПХ в пополнении семейного дохода. Основную долю в нем уже составляла оплата труда за работу в колхозах и совхозах (табл. 1). Материальная ориентация трудоспособного сельского населения на общественное производство проявилась в возрастании занятости в нем и ее сокращении на личных подворьях. Последние или уменьшались в размерах, или окончательно сворачивали свою деятельность. К 1980 г. в селах Западной Сибири средний размер приусадебного участка в личных хозяйствах составлял 70 % от уровня 1967 г., поголовье КРС – 72, коров – 69, птицы – 70 %. В 1981 г. на своем подворье не имели никакого скота 14,4 % семей колхозников и 22 % семей рабочих и служащих, тогда как в 1966 г. – соответственно 5,7 и 12,9 %². Значимость личных подворий в жизнедеятельности сельских жителей продолжала снижаться.

В середине 1980-х гг. положение в сельском хозяйстве несколько улучшилось, и возможности общественного сектора в помощи семейным хозяйствам увеличились. Помимо перечисленных ее видов колхозы и совхозы стали практиковать выдачу ссуд владельцам

«излишки» земли и скота. Это привело к уменьшению количества и размеров хозяйств. Снижение производства в ЛПХ усугубило продовольственный кризис, возникший в начале 1960-х гг. в связи с серией катастрофических неурожаев [4, с. 173–175].

Продовольственный кризис заставил государство изменить политику по отношению к ЛПХ. С середины 1960-х гг. кампаний по ограничению ЛПХ больше не проводилось. В постановлениях ЦК КПСС и Совмина СССР 1964 г., 1977 г., 1981 г., 1982 г. [5, с. 517; 6, с. 104–111; 7, с. 533–541; 8, с. 280] декларировалась необходимость поддержки личных подворий и ставилась задача увеличения в них производства сельхозпродукции. ЛПХ стали рассматриваться не только как источник самообеспечения и повышения доходов сельского населения, но и пополнения продовольственного фонда страны.

Подобные декларации сочетались с доктриной о преимущественном развитии при социализме крупного общественного хозяйства и отмирании мелкого, в том числе и ЛПХ как реликта частной собственности. Личные хозяйства считались препятствием развитию колхозно-совхозного производства, отвлекающим трудоспособное население от работы в нем и способствующим извлечению «нетрудовых доходов» [9, с. 289]. Принимаемые в это время решения (политика совхозизации, вовлечение женщин в колхозно-совхозное производство, введение в колхозах гарантированной денежной оплаты труда и общее ее повышение, ликвидация неперспективных деревень) прежде всего были ориентированы на развитие общественного сектора экономики и вели к снижению численности и масштабов ЛПХ, ослабляли их роль как источника дополнительных доходов семьи, разрушали сельский внутрисемейный уклад.

В период со второй половины 1960-х гг. по 1980-е гг. личный сектор экономики развивался неравномерно. Подъем был отмечен в 1965–1967/68 гг. Данные по Новосибирской области показывают, что по сравнению с началом 1960-х гг. темпы снижения численности крестьянских дворов замедлились, площадь приусадебных земельных участков увеличилась на 5,2 %, поголовье КРС – на 12,5, коров – на 0,4, свиней – на 30,3 % [10, с. 80]. Однако уже с конца 1960-х гг. в личном секторе экономики начался спад, вызванный нарастанием в сельскохозяйственном производстве застойных явлений, перешедших в кризис 1981 и 1982 гг.

Поскольку деятельность ЛПХ осуществлялась исключительно в рамках колхозно-совхозного производства и в конечном счете полностью зависела от его состояния, то неблагоприятные тенденции в развитии общественного хозяйства негативно сказывались на функционировании крестьянских подворий. Постепенно стали сокращаться их размеры, существенно снижались и производство сельхозпродукции. В Восточной Сибири среднегодовые объемы производства в индивидуальном секторе сельской экономики за 1976–1979 гг. по сравнению с 1966–1970 гг. уменьшились по мясу на 5 %, молоку – на 12, яйцам – на 26, картофелю – на 23 %. В Западной Сибири, как показывает статистика, в

¹ Развитие АПК РСФСР: Стат. сб. М., 1989. С. 130–133, 215–233; Кемеровская область в цифрах: Стат. сб. Кемерово, 1987. С. 50; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4. Д. 1871. Л. 3; Д. 3682. Л. 87; Д. 8685. Л. 130, 139.

² ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4. Д. 1408. Л. 54; Д. 2706. Л. 45.

личных подворий на хозяйственное строительство и покупку скота, улучшили условия продажи кормов и выделения сенокосов. Укреплялось и взаимодействие личных и общественных хозяйств. Стимулировала развитие ЛПХ и такая форма организации производства, как выращивание на личных подворьях скота и птицы на основе договоров с колхозами и совхозами. В работе по договорам были заинтересованы обе стороны. Выращенный в ЛПХ по договорам скот и закупленная у населения общественными хозяйствами сельхозпродукция (картофель, овощи, молоко, мясо) засчитывались колхозам/совхозам в объемы производства и в выполнение государственного плана сдачи сельхозпродукции. В свою очередь владельцам личных хозяйств со стороны сельхозпредприятий гарантировалась поддержка в их ведении, а также определенные льготы. Все более распространенным становилось в эти годы получение ресурсов для ведения ЛПХ путем хищения из общественных хозяйств кормов и горюче-смазочных материалов, а также несанкционированное использование техники. В 1988 г. в личных хозяйствах производилась почти четверть всей валовой продукции сельского хозяйства, в том числе 59 % картофеля, 31 % овощей, 28 % мяса, 27 % молока и 26 % яиц [12, с. 185].

Тем не менее в полной мере преодолеть негативные тенденции в развитии личного сектора экономики не удалось. Проведенное в 1988 г. обследование хозяйств колхозников в Алтайском крае, Читинской, Иркутской областях и в Бурятии зафиксировало отсутствие в крестьянских подворьях тех или иных видов скота, посадочного материала, истощение земельных угодий, хронический недостаток кормов и т.д. Такая ситуация наблюдалась практически во всех регионах Сибири. Если участок под картофель и овощи сохраняла за собой практически каждая семья (98 % семей колхозников и 79 % семей рабочих и служащих, проживающих в сельской местности), то не имели крупного рогатого скота более 40 % семей, свиней – 38, овец и коз – 76 и птицы – 23 %³. К концу 1980-х гг. существенно снизилась и доля занятых в личном секторе экономики: в Западной Сибири с 12,3 % в 1959 г. до 1,3 % в 1989 г., в Восточной – с 9,7 до 1,1 % соответственно⁴.

Противоречивое отношение властей к ЛПХ населения, происходившие в деревне многочисленные социально-экономические перемены, в т.ч. огосударствление сельской экономики и рост уровня занятости в общественных хозяйствах, снижение доли сельских жителей, непосредственно занятых аграрным трудом, старение сельского населения и смена поколений способствовали сужению сферы личного сектора сельского хозяйства. В то же время сохранение подсобного хозяйства было объективно необходимо и экономически оправдано, поскольку общественное

сельскохозяйственное производство еще не в полной мере обеспечивало требуемый объем производства сельскохозяйственной продукции.

В новой редакции программы КПСС, принятой в 1986 г. на XXVII съезде КПСС, было зафиксировано следующее положение: «Решающий вклад в обеспечение потребностей страны в сельскохозяйственной продукции призваны внести колхозы и совхозы, агропромышленные объединения и предприятия, составляющие основу социалистического сельского хозяйства. Вместе с тем для пополнения продовольственных ресурсов будут использованы подсобные хозяйства предприятий и граждан, коллективное садоводство и огородничество» [13, с. 116]. Импульс важным изменениям в личном секторе экономики был дан постановлениями сентябрьского 1987 г.⁵ и мартовского 1989 г. пленумов ЦК КПСС [14, с. 72], принявших решение о радикальной перестройке аграрного производства на основе многообразия форм собственности и создания для хозяйствующих субъектов равных экономических условий.

В 1990-е гг. в процессе реформирования аграрных отношений, происходящего в рамках общего радикального изменения экономической системы и направленного на установление частной собственности на землю и средства производства, создание многоукладной экономики и развитие мелкотоварного производства, была разрушена прежняя, устоявшаяся система жизнедеятельности и труда сельского населения, связанная с колхозно-совхозным производством. Диверсификация форм собственности и производства сопровождалась появлением многообразия хозяйствующих субъектов, среди которых на селе выделились как основные производители сельхозпродукции крупные сельхозпредприятия и организации, крестьянские (фермерские) (КФХ) и личные приусадебные хозяйства. Создание фермерских хозяйств было под силу не всем сельчанам – законодательная база только формировалась, и на их пути возникало много препятствий.

Только что образованные на базе бывших колхозов и совхозов акционерные общества развивались в условиях экономической нестабильности, вызванной ослаблением государственной поддержки, сокращением финансирования, разрушением экономических связей, ценовым диспаритетом, истощением производственного потенциала, что влекло за собой обвальное падение производства в них и как следствие – безработицу и обнищание населения. За 1990-е гг. объем производимой сельхозпродукции снизился в Западной Сибири на 28 %, в Восточной – на 28,6 % (в целом по России – на 41,7 %). Уменьшалась и зарплата занятых в аграрном секторе экономики: в 2000 г. по отношению к среднероссийской она составляла 37,7 %, тогда как в 1990 г. – 95 %, причем ее выплата была нерегулярной и зачастую носила натуральный характер. Постоянным явлением на селе стала безработица, уровень которой в Сибири к концу 1990-х гг. превышал среднероссийские показатели и равнялся в 1998 г. 15,2 % (РФ – 13,2 %), в 1999 г. – 14,9 (РФ – 13,0), в 2000 г. – 12,6 % (РФ –

³ Личное подсобное хозяйство населения в 1988 году: Стат. сб. М., 1989. С. 3–5.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 174, 175; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР. (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. С. 61, 62.

⁵ Правда. 1987. 25 сент.

10,5 %)⁶. Массовой становилась бедность. По данным за 1996 г., в Алтайском крае половина населения, а в Республике Алтай 64 % имели среднемесячные доходы ниже прожиточного минимума [15, с. 449].

В этих условиях сельские жители оказались в ситуации поиска форм выживания, использовали все доступные возможности: охотничество, охоту и рыбную ловлю, сбор грибов и ягод, наем к фермерам и другим работодателям и др. Подавляющая масса селян стала переключаться на традиционный в деревне вид трудовой деятельности – производство сельскохозяйственной продукции в личных приусадебных хозяйствах. Если в дореформенный период трудовая деятельность на личных подворьях выступала продолжением работы в общественном хозяйстве в виде вторичной занятости, то в 1990-е гг. для большинства сельских жителей она вынужденно превратилась в основную сферу деятельности, где наряду с пенсионерами и домохозяйками трудились высвобожденные из сельхозпредприятий работники. Ведение собственного хозяйства стало восприниматься сельскими жителями как оптимальный способ обеспечения занятости и выживания.

Длительная история существования ЛПХ показала, что они оказались наиболее устойчивой организационно-правовой формой производства сельхозпродукции с опытом индивидуального хозяйствования, ориентированного не на продажу, а на удовлетворение личных потребностей. Но в 1990-е гг. условия их ведения изменились. В результате отмены государственной монополии на землю и ее приватизации владельцы личных подворий стали собственниками своих приусадебных земельных участков и выделенных им при реорганизации колхозов и совхозов земельных долей, за счет которых можно было расширять свои земельные угодья⁷. С личных хозяйств были сняты административные ограничения, связанные с размером земли и нормами содержания скота. Как и другие хозяйствующие субъекты, они стали равноправными производителями сельхозпродукции.

Земельные преобразования привели к увеличению общей земельной площади хозяйств населения региона в 1,5 раза, в том числе в Западной Сибири – в 2 раза, в Восточной – в 1,4 раза. Доля земель ЛПХ хотя и выросла, но среди основных землепользователей была невелика и составляла к концу 1990-х гг. в Западной Сибири 5,1 %, в Восточной – 7,8 % (сельхозпредприятий – соответственно 78,4 и 80,0 %, КФХ – 7,4 и 4 %)⁸. Тем не менее, располагая небольшой долей всех сельхозугодий, личные хозяйства в регионе являлись основными производителями картофеля и овощей. За десятилетие посевные площади под этими культурами увеличились соответственно почти в 2 и в 3 раза, а их производство – в 1,5 и в 2,4 раза. К концу 1990-х гг. в

личном секторе собирали более 96 % картофеля и от 70 до 80 % овощей от общего объема в хозяйствах всех категорий⁹.

Снятие ограничений на количество животных в личных хозяйствах позволило увеличить их численность и нарастить объемы животноводческой продукции. К концу 1990-х гг. в регионе на подворьях населения содержалось половина коров, овец и коз, две трети свиней и около 46 % КРС от общего поголовья. Несмотря на трудоемкость отрасли, практически полное отсутствие механизации труда и сложности в обеспечении кормами, в личных подворьях производство продукции животноводства увеличилось: мяса с 31 % в 1991 г. до 63,9 % в 1999 г., молока – соответственно с 25,4 до 54,8, яиц – с 14,0 до 25,6 %¹⁰.

Статистика производства основных сельскохозяйственных продуктов в хозяйствах населения отражает неравномерность этого процесса в регионе: в начале периода – рост, в последующие годы подъем чередовался со спадом, что обуславливалось экономическим состоянием сельхозпредприятий, от поддержки которых, как и прежде, они полностью зависели. Успешность личных хозяйств объяснялась тесным взаимодействием с сельскохозяйственными предприятиями, которое в 1990-е гг. претерпело изменения. В первые годы реформ оно сохранялось практически в том же виде, в каком осуществлялось и в советское время: личные подворья безвозмездно использовали ресурсы бывших колхозов и совхозов, существовавших уже в новых организационно-правовых формах; распространено было и хищение, особенно кормов.

Со второй половины 1990-х гг. в ходе постепенного развития рыночных отношений, когда ресурсная база сельхозпредприятий и организаций стала истощаться и не восполнялась, а многие из них являлись убыточными, возможности оказания помощи ЛПХ снизились, и объемы предоставляемых услуг уменьшились. В этой ситуации владельцы хозяйств шли на сокращение поголовья скота, посевов и объемов производства, а некоторые сворачивали свое подворье. В то же время поддержка приусадебных хозяйств сельхозпредприятиями стала приобретать характер, продиктованный рыночными отношениями. Сельхозпредприятия стали оказывать помощь личным хозяйствам только своих работников на основе договоров аренды земельных долей, согласно которым часть арендной платы за землю заменялась транспортными, зооветеринарными и другими услугами; снабжение кормами для животных производилось уже не бесплатно, а по льготным ценам; вводилась система кредитов. Опыт хозяйствования как сельхозпредприятий, так и личных хозяйств показал, что «при “перекачке” в личный сектор менее 20 % общественных ресурсов (из крупхозов) хозяйства населения не выживают, а более 30 % – разрушаются коллективные сельхозпредприятия и организации» [16, с. 59].

⁶ Труд и занятость в России: Стат. сб. М., 2003. С. 52, 376.

⁷ См.: Сборник законодательных актов по аграрной реформе в РСФСР. М., 1991. С. 3; Аграрное законодательство Российской Федерации: Сборник нормативных правовых актов и документов. М., 1999. С. 23, 66.

⁸ Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в России: Стат. сб. М., 2000. С. 53–55.

⁹ Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России: Стат. сб. М., 2003. С. 71, 80, 87.

¹⁰ Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения... С. 120, 129, 138.

Несмотря на то, что основная масса сельского населения (около 90 %) вела ЛПХ, развивать его удавалось не всем. В силу определенных причин одни не смогли или не захотели расширять его, другие были вынуждены сократить размеры, а некоторые отказались от него совсем. По данным опроса сельского населения Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай, за 1992–2002 гг. смогли расширить свое хозяйство и нарастить производство 42 % всех опрошенных семей, почти каждая пятая наименее обеспеченная семья была вынуждена сократить его размер, 13 % семейств этой группы совсем отказались от его ведения; в группе среднеобеспеченных семей сократили свое хозяйство только 8 %, а отказались от него – всего 4 % [17, с. 362]. Большинство сельских жителей (60 %) указывали на вынужденный характер ведения ЛПХ, при этом отмечая, что если бы была возможность выбора, то лишь 7 % согласились бы заниматься только личным хозяйством [18, с. 260].

Обследование сельских семей также показало, что ЛПХ были неоднородными, различались территориальной расположенностью, размерами земли и поголовьем животных, объемами и характером производства, а также обеспеченностью трудовыми ресурсами. Доля хозяйств, объемы производства в которых превышали собственные потребности семей и позволяли реализовать излишки, в 1990-е гг. в регионе была невелика, но имела тенденцию к росту. В Сибири приусадебные хозяйства в основном являлись потребительскими и служили источником продовольственного обеспечения сельских семей и способом их выживания. Наряду с этим их доля в общем объеме производимой сельхозпродукции увеличивалась, составив к концу 1990-х гг. в Западной Сибири 53,6 %, в Восточной – 69,2 % (табл. 2). Однако этот рост был достигнут не только за счет увеличения объема производства в личных хозяйствах, но и в результате общего спада сельскохозяйственного производства в целом и

опережающего его снижения в крупных хозяйствах. Крестьянские подворья фактически превратились в ведущих производителей основных сельскохозяйственных продуктов. Впервые в послевоенный период они стали давать более половины всей сельхозпродукции. Жизнедеятельность многих сел постепенно стала зависеть не только от крупных сельхозпредприятий, но и от состояния личных хозяйств.

В связи с этим в научной литературе стал подниматься вопрос о неправомерности определения хозяйства населения как подсобных. С точки зрения В.В. Пациорковского, понятие «личное подсобное хозяйство» уже не отвечало сущности явления, так как оно выступало главным источником доходов для сельских жителей и основным производителем сельскохозяйственной продукции. Он допускает применимость к ЛПХ понятия «крестьянское хозяйство», но в то же время подчеркивает, что оно не может применяться столь категорично, как 80 лет назад [19, с. 363]. П.П. Великий и М.Ю. Морехина указывают на некорректность применения в отношении хозяйств сельского населения в официальных документах и общественной риторике «по-прежнему названия “личные подсобные”, они должны быть названы “крестьянские семейные хозяйства”, <...> так как стали основной формой самозанятости и выживания на селе. В то же время – это пространство для освоения рыночного хозяйствования. В них происходит накопление адаптационных ресурсов к нынешним и будущим переменам <...>, занято (и больше нигде не работают) свыше 50 % сельского населения и производится 51,5 % продукции» [16, с. 59–60].

Таким образом, в середине 1960-х – 1980-е гг. личное приусадебное хозяйство представляло собой семейное производство на основе ручного труда преимущественно для самообеспечения семьи. В советское время главная причина его ведения заключалась в потребности сельских семей в продуктах питания, а денежный доход крестьяне получали в основном от работы в колхозах и совхозах. В постсоветский период в условиях реформирования аграрных отношений ЛПХ становятся для сельских жителей фактором выживания и ведущим производителем сельхозпродукции в масштабах региона, так и страны. Значение их как источника получения доходов сельской семьи повышается. Интенсивное развитие личных подворий стало вынужденным вследствие развала коллективных предприятий, спада производства, снижения доходов, в том числе зарплаты, и появления безработных и бедных. В сельскохозяйственном производстве стал доминировать мелкотоварный сектор, представленный в основном ЛПХ, а не фермерскими хозяйствами, как мыслили реформаторы.

Однако расширение личных хозяйств не следует рассматривать как позитивный процесс, ибо это свидетельствовало о возврате к натурализации сельскохозяйственного производства, снижении технического и технологического уровня развития аграрного сектора экономики и его архаизации. Известный историк-аграрник В.П. Данилов отметил: «Нет ничего хорошего для развития общества в том, что каждый его член должен выращивать для себя и своей семьи картофель,

Таблица 2
Удельный вес хозяйств населения в общем объеме производства продукции сельского хозяйства в 1990-е гг. (в фактически действовавших ценах), %*

Годы	Российская Федерация	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1991	31,2	29,1	32,4
1992	32,9	32,7	39,6
1993	39,9	37,9	48,6
1994	43,8	45,7	54,2
1995	47,9	43,5	56,4
1996	49,1	48,3	59,2
1997	51,1	51,0	62,6
1998	59,2	56,4	66,5
1999	57,2	53,6	69,2

* Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 2000. С. 366.

Примечание: За 1991 и 1992 гг. данные по хозяйствам населения учтены вместе с показателями по крестьянским (фермерским) хозяйствам.

овощи... Это своеобразное “окрестьянивание” является откатыванием общества назад» [20, с. 28–29].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
2. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001.
3. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II.
4. *Андреенков С.Н.* Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007.
5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1981. Т. 13.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1987. Т. 14.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1972. Т. 9.
10. *Карпунина И.Б., Мелентьева А.П.* Сельская семья Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: изменение численности и хозяйственных возможностей // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2.
11. *Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А.* Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003.
12. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1989. Т. 15.
14. Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 15–16 марта 1989 года. М., 1989.
15. *Вавилина Н.Д.* Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск, 2000.
16. *Великий П.П., Морехина М.Ю.* Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12.
17. *Фадеева О.П.* Западносибирское село: иллюзии экономического роста и реалии занятости // Отечественные записки. 2004. № 1.
18. *Калугина З.И.* Институциональные ловушки аграрных преобразований в России // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ученые записки. 2005. М., 2006. Вып. 5.
19. *Пацюрковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2001. М., 2003.
20. *Данилов В.П.* Судьба сельского хозяйства (1861–2001 гг.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ученые записки 2005. М., 2006. Вып. 5.